

Засодимский Павел Владимирович

Наследие веков

**Первобытинстинкты и их влияние
на ход цивилизации**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
П12

П12 **Павел Владимирович З.**
Наследие веков: Первобытинстинкты и их влияние на ход цивилизации / Засодимский
Павел Владимирович – М.: Книга по Требованию, 2023. – 218 с.

ISBN 978-5-519-85822-9

ISBN 978-5-519-85822-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Многіе изъ нашихъ современниковъ убѣждены въ томъ, что человѣчество съ изумительной быстротой движется по пути прогресса — къ лучшему будущему. Дѣйствительно, человѣчество движется къ «лучшему будущему», но относительно быстроты этого движенія приходится сильно усомниться... Нѣкоторые оптимисты, при видѣ дѣйствительно грандіознаго развитія естественно-научныхъ знаній и множества изобрѣтеній и усовершенствованій въ области механики и техники за послѣднее столѣтіе, даже находятъ, что культура, а за ней и цивилизація, развиваются подобно сказочнымъ богатырямъ — не по днямъ, а по часамъ... Выводъ—совершенно ошибочный по отношенію къ цивилизаціи, и представляетъ собой одно изъ тѣхъ заблужденій, въ какія свойственно впадать человѣческимъ чувствамъ и уму.

Быстро плывя по рѣкѣ, мы «видимъ», что берега бѣгутъ. Такое явленіе мы называемъ обманомъ зрѣнія, ибо берега не бѣгутъ, но лишь «кажутся убѣгающими». Еще болѣе яркій примѣръ обмана чувствъ представляютъ *Дьявольскія качели* — одна довольно остроумная американская выдумка ¹⁾. Н. Дингельштедтъ по поводу этихъ качелей со-

¹⁾ Дингельштедтъ видѣлъ эти качели въ г. Омага и такъ описываетъ ихъ. Комната, въ которой помѣщаются качели, сажени три высоты: въ ней разставлены стулья, шкапъ съ какими-то кувшинами и бездѣлушками, столъ съ лампой; дверь въ сосѣднюю комнату открыта. Посрединѣ комнаты на толстомъ металлическомъ брусьѣ,

вершенно вѣрно замѣчаетъ, что «воображеніе и обманъ чувствъ, при извѣстной обстановкѣ, сильнѣе доводовъ ума и здраваго разсудка...» Наши оптимисты, восторгаясь успѣхами современной цивилизаціи, дѣлаются жертвами того же обмана — только обмана не чувствъ, а сознанія. Въ то время, когда они воображаютъ, что человѣчество прогрессируетъ во всѣхъ отношеніяхъ съ быстротой локомотива, дѣлающаго по 100 верстъ въ часъ, въ дѣйствительности чело-

укрѣпленномъ на половинѣ высоты комнаты, висятъ качели, сидѣніе которыхъ на полъ-аршина не доходитъ до пола. Въ комнатѣ не то что темно, а какъ-то сѣровато. Какой-то джентльменъ слегка раскачиваетъ качели и удаляется. Качели идутъ сначала совсѣмъ тихо, потомъ все шибче, шибче. Сидящіе на качеляхъ раскачиваются до половины стѣны, потомъ несутся къ самому потолку, подъ потолокъ. Качающіеся держатся другъ за друга, кричатъ: „Довольно! Остановите!“ Наконецъ раздается общій крикъ ужаса: качели сдѣлали полный оборотъ, какъ бы скользнули по потолку; качающимся кажется, что они перекувырнулись, очутившись на одинъ моментъ головами внизъ. Послѣ того еще два качающіеся побывали подъ потолкомъ, затѣмъ ходъ качелей замедлился, и, наконецъ, онъ совсѣмъ остановился. Качавшіеся, сойдя съ качелей, чрезвычайно удивлялись, какъ это они не высыпались изъ коробки, находясь подъ потолкомъ, внизъ головой. Но дѣло въ томъ, что никто изъ качавшихся не только не былъ подъ потолкомъ, но и не поднимался болѣе аршина отъ пола. Качались вовсе не они, а качалась илл., вѣрнѣе, ходила вокругъ бруса, на которомъ держатся качели, вся комната съ имѣющей въ ней обстановкой, совершенно неподвижной, такъ какъ шкапъ, стулья, столы, лампы, картины такъ прочно прикрѣплены, что, когда полъ превращается въ потолокъ, ничто на полу не шевелится. Качели едва двигаются, ходятъ же стѣны комнаты, а воображеніе уже подсказываетъ людямъ, что они несутся къ потолку, поднимаются все выше и выше, и, наконецъ, они — на потолокъ, внизъ головой, вверхъ ногами. Но ничего этого нѣтъ, все это одинъ обманъ зрѣнія... Н. Дингельштедтъ сознается, что, повторивъ еще разъ передъ отъѣздомъ изъ Омага экскурсію подъ потолокъ на Дьявольскихъ качеляхъ, онъ, невзирая на всѣ разъясненія, все-таки чувствовалъ себя подъ потолкомъ, потомъ на потолокъ, головой внизъ, опять онъ блѣднѣлъ, опять замирало у него сердце, онъ хватался за сосѣдей и кричалъ: „Довольно, довольно!..“

вѣчество ползеть впередъ съ быстротой черепашняго хода. Въ томъ насъ убѣждаютъ факты изъ исторіи человѣческихъ обществъ — изъ отдаленнаго и близкаго прошлаго и изъ жизни современной...

Есть на свѣтѣ одно маленькое животное, принадлежащее къ классу ракообразныхъ, называемое *отшельникомъ* (Pagurus). Оно замѣчательно тѣмъ, что всегда и повсюду таскаетъ за собой свою пустую одностворчатую раковину, придерживая ее задними лапками... Человѣчество, подобно Pagurus'у, черезъ милліоны лѣтъ протащило за собой не одно, но цѣлый рядъ роковыхъ заблужденій и недоразумѣній, удерживая ихъ за собой въ силу умственной тупости и инерціи. Идолы, утратившіе свое значеніе боговъ, выдохшіяся вѣрованія, слова, уже давно потерявшія всякій смыслъ, — продолжаютъ играть роль еще долго-долго послѣ того, какъ утратили свое *raison d'être*.

Различіе между нашимъ отшельникомъ и человѣчествомъ заключается въ томъ, что Pagurus, вырастая, — по мѣрѣ увеличенія своего хвоста, — мѣняетъ раковину на другую, болѣе удобную. Человѣчество же, развиваясь преимущественно лишь внѣшнимъ, культурнымъ образомъ, остается въ социальномъ отношеніи при своей тѣсной, крайне неудобной раковинѣ, ежится въ ней отъ боли, задыхается и въ моменты кризисовъ ограничивается лишь тѣмъ, что мѣняетъ названіе вещей и переноситъ съ одного мѣста на другое центръ тяжести того или другого неудобства, тяготящаго надъ нимъ, при чемъ сама тяжесть нисколько не уменьшается.

Если безъ всякой предвзятой мысли, совершенно безпристрастно посмотрѣть на совершавшуюся до сего времени исторію человѣчества, то намъ представится очень печальное зрѣлище. Французъ, сказавшій по одному частному поводу, что «исторія есть мартирологъ народовъ», можетъ быть, и самъ не воображалъ, какое глубоко вѣрное опредѣленіе далъ онъ исторіи человѣчества.

Отбросивъ все, что было ранѣе внушено намъ и подѣвліяніемъ этого внушенія нами усвоено, и посмотрѣвъ объективно на міровую исторію, мы не можемъ не замѣтить, что родъ людской много тенетъ и цѣпей напуталъ на себя въ тѣ отдаленныя эпохи — темныя и смутныя, когда умъ человѣческій переживалъ еще первыя стадіи своего развитія, когда человѣческая мысль была еще не настолькоъ сильна, чтобы надлежащимъ образомъ комбинировать факты, анализировать и обобщать ихъ, не сбиваясь, не путаясь въ противорѣчіяхъ, работать надъ ними и дѣлать правильныя заключенія.

Огонь для земли былъ уже захваченъ съ неба Прометеемъ, но то былъ слабый, едва мерцавшій огонекъ. Человѣчество — вмѣсто того, чтобы освободиться отъ тенетъ и цѣпей, отъ темныхъ остатковъ вѣковъ невѣжества, умственного безсилія, — напротивъ, самымъ тщательнымъ образомъ санкціонировало свои заблужденія, возводя ихъ въ экономическіе законы, въ политическіе, юридическіе и нравственные кодексы, запутываясь въ нихъ, какъ въ лабиринтъ. Человѣчество полусознательно прожило милліоны лѣтъ, повидимому, лишь для того, чтобы прійти къ тому заключенію, что «*homo homini — lupus*», и надписать кровью на фронтонѣ своей цивилизаціи, поистинѣ, страшный и возмутительный, противоположный общественный девизъ: «*A la guerre comme à la guerre!*»

Нѣтъ! Человѣкъ вовсе ужъ не такъ далеко ушелъ по пути прогресса, какъ кажется оптимистамъ.

Конечно, намъ могутъ сдѣлать массу возраженій...

Скажутъ: первобытный человѣкъ, подобно звѣрю, прятался въ пещерахъ, въ трещинахъ скалъ и, въ лучшемъ случаѣ, ютился въ жалкихъ шалашахъ, а теперь — посмотрите на современные дворцы европейской аристократіи и буржуазіи, или на дворцы американскихъ милліонеровъ, украшенные образцовыми произведеніями искусства; посмотрите на Кельнскій или Миланскій соборы — на чудеса и изящество архитектуры!.. А мы, въ свою очередь, укажемъ на жалкія

землянки, которыми усѣянъ въ Египтѣ морской берегъ, близъ Александріи и въ окрестностяхъ Каира; въ этихъ землянкахъ, въ странѣ одной изъ древнѣйшихъ цивилизацій живутъ феллахи и теперь, «подъ покровительствомъ» англичанъ, такіе же забытые, бѣдные и несчастные, какими они были и во дни фараоновъ... И нынѣ миллионы дикарей въ Азіи, Африкѣ, Америкѣ, въ Австраліи и на островахъ Южнаго и Тихаго океана ютятся въ шалашахъ самой первобытной конструкціи или въ пещерахъ, подъ навѣсами скалъ, въ дуплахъ деревьевъ. Да и въ цивилизованной Европѣ мы можемъ указать на печи для обжиганія извести, въ которыхъ укрываются и нынѣ парижскіе бродяги, на склепы, гдѣ спятъ лондонскіе пролетаріи, на цыганскія пещеры въ Гардскомъ округѣ. Очевидно, существованіе хрустальныхъ дворцовъ, аристократическихъ и буржуазныхъ палаццо не мѣшаетъ миллионамъ дикарей и перекатной голи въ цивилизованнѣйшихъ странахъ міра жить первобытнымъ, «звѣринымъ» образомъ, какимъ жили наши самые отдаленные предки.

Намъ скажутъ: первобытный человѣкъ ходилъ голый или, самое большее, препоясанный лиственнымъ поясомъ, а теперь посмотрите на современный костюмъ — удобный и изящный!.. Да! Но и понынѣ, какъ во времена первобытной дикости, люди въ нѣкоторыхъ странахъ одѣваются въ звѣриныя шкуры, а гдѣ допускаютъ климатическія условія — ходятъ нагими или полуобнаженными. Людей же въ лохмотьяхъ, едва прикрывающихъ наготу, можно встрѣтить повсюду — и вблизи лондонскаго Гайдъ-парка и на парижскихъ улицахъ.

Укажутъ намъ на то, что первобытный человѣкъ питался какъ дикій звѣрь, рвалъ зубами сырое мясо, ѣлъ траву, падалъ и, несмотря на такой невзыскательный вкусъ, порой умиралъ съ голода. А теперь до чего доведено кулинарное искусство!.. Вотъ это правда: поварское дѣло нынѣ возведено чуть не на степень науки, но, тѣмъ не менѣе, кулинарное искусство, которымъ мы наслаждаемся, не мѣшаетъ

рутенамъ, житѣлямъ Карпатскихъ горъ, и понынѣ молоть зерно ручнымъ способомъ между двумя камнями и ѣсть овсяный хлѣбъ, въ которомъ корка сожжена, а середина остается сырой. На нѣкоторыхъ Меланезійскихъ островахъ, по словамъ Миклухи-Маклая, не умѣютъ добывать огня. И нынѣ еще милліоны народа ѣдятъ мясо сырымъ, безъ соли, безъ хлѣба, жрутъ сырую рыбу, рыбій жиръ, питаются моллюсками, гадами, насѣкомыми. Напримѣръ, жители Огненной Земли, главнымъ образомъ, питаются слизняками, такъ что въ теченіе вѣковъ раковины этихъ слизняковъ образовали длинныя береговыя гряды, поднимающіяся выше уровня воды. Зыряне и понынѣ въ минуту нужды ѣдятъ древесную кору, отростки молодыхъ елей... И нынѣ, какъ извѣстно, люди умираютъ съ голода, несмотря на ограниченность своихъ потребностей. Такъ, еще недавно въ Индіи множество народа умерло голодною смертію.

Скажутъ: первобытный человѣкъ въ умственномъ отношеніи бродилъ впотмахъ, жилъ въ мірѣ призраковъ и суетвѣрій, а теперь академіи, университеты, гимназіи, всевозможныя спеціальныя школы... Правда, нашъ первобытный предокъ, скитавшійся въ пустыняхъ и въ лѣсахъ, бродилъ впотмахъ и негдѣ ему было взять свѣта, но и теперь при существованіи академій и университетовъ европейскій крестьянинъ продолжаетъ думать, что колдунъ или колдунья со зла могутъ производить бездождіе, напускать моръ на людей и на скотъ, а поэтому такихъ зловредныхъ людей не мѣшаетъ сжигать, вообще убивать, какъ попало, а для того, чтобы умершій колдунъ не ушелъ изъ могилы и не сталъ строить каверзъ добрымъ людямъ, нашъ крестьянинъ еще находитъ не бесполезнымъ вбить въ него осиновый колъ. На ряду съ такими образчиками народной темноты можно привести не менѣе поразительные факты *ученаго невѣжества*: Напр., одинъ очень ученый человѣкъ (Бэнъ) предлагаетъ, съ цѣлью исправленія, бить дѣтей линейкой по ладонямъ; другой педагогъ рекомендуетъ бить ихъ по плечамъ; третій,

очевидно, менѣе находчивый, склоняется къ тому, что все-таки розги — всего лучше. И все это говорилось и писалось въ XIX вѣкѣ, когда мы уже отпраздновали трехсотлѣтіе со дня рожденія Яна Коменскаго.

Академіи и университеты въ настоящее время являются свѣтлыми пятнами на темномъ фонѣ, яркими блестящими заплатами на грязномъ рубищѣ нищаго. Несомнѣнно, они будутъ надлежащимъ образомъ дѣлать свое дѣло лишь въ то время, когда образованіе станетъ не привилегіей избранныхъ, но, какъ воздухъ, сдѣлается достояніемъ всѣхъ. Нѣкоторые ученые въ наше время (какъ, напр., проф. Н. Чермакъ) даже думаютъ, что хотя «наука огромная сила и значеніе ея для человѣчества безмѣрно велико, но право ея на существованіе станетъ безспорнымъ лишь тогда, когда она будетъ всѣмъ равно доступна».

Намъ скажутъ: вспомните образчики первобытной культуры — грубые каменные топоры, неудобные кремневые ножи, иглы изъ рыбьихъ костей — и посмотрите теперь на чудовищныя машины, работающія на фабрикахъ и заводахъ; взгляните на эти громадныя молоты, на эти сложные механизмы, дѣйствующіе съ математической точностью, словно какія-нибудь живыя, одушевленные существа, одаренныя разумомъ и сверхъестественною физическою силой!.. Все это такъ. За послѣднія сто лѣтъ успѣхи въ области естественно-научныхъ прикладныхъ знаній настолько громадны и блестящи, что человѣкъ, какъ хозяинъ этой гигантской лабораторіи, можетъ остаться доволенъ дѣломъ рукъ своихъ. Но горе въ томъ, что этими завоеваніями въ области культуры пользуется лишь малая часть человѣчества.

О дикаряхъ Стараго и Новаго Свѣта мы уже не говоримъ, — миллионы этихъ людей стоятъ рѣшительно внѣ современной культуры, но даже и нашъ русскій крестьянинъ, уже далеко не дикарь, по сіе время пашетъ тою же сохой, коситъ тою же косой, какими пахалъ и косилъ при Владимирѣ Красномъ-Солнышкѣ. Лапотъ и нынѣ плетется такъ же

точно, какъ онъ плелся у древлянъ, еще задолго до пришествія варяговъ... Негры уже въ продолженіе нѣсколькихъ столѣтій употребляютъ одинъ и тотъ же способъ тканья, не вводя въ него никакихъ усовершенствованій; способъ обработки желѣза также съ незапамятныхъ временъ остается у нихъ одинъ и тотъ же... Человѣкъ будетъ имѣть право гордиться своей культурой лишь въ то время, когда всѣ великія изобрѣтенія, открытія и усовершенствованія во всѣхъ областяхъ жизни и знанія сдѣлаются достояніемъ всего человѣчества. А нынѣ, когда зеркальными стеклами, электрическимъ освѣщеніемъ, телефономъ, телеграфомъ, даже зингеровской швейной машинкой находятъ возможнымъ пользоваться лишь весьма незначительная часть человѣчества, — намъ еще рано гордиться своими культурными побѣдами.

Намъ еще указываютъ на то, что введеніе машинъ значительно облегчило людямъ мускульный трудъ... Но въ то время, когда машины становятся какъ бы живыми, одухотворенными существами, надѣленными страшною физической силой, рабочіе изъ людей превращаются въ «руки» или, вѣрнѣе, въ части тѣхъ же машинъ, только менѣе прочныя и легко сокрушаемыя... «Люди теперь уже цѣнятся только, какъ «руки»! — съ горечью говоритъ Рудольфъ Вирховъ. — Но развѣ это смыслъ машинъ въ исторіи культуры народовъ? Развѣ триумфы человѣческаго генія не служатъ ни къ чему иному, какъ лишь къ обездоленію рода человѣческаго?» ¹⁾ Да, — скажемъ мы, — пока они не служатъ ни къ чему иному!

Намъ скажутъ: во всякомъ случаѣ со временъ первобытной дикости нравы значительно смягчились; въ мірѣ стало меньше жестокости и смыслъ древне-римской поговорки: «*homo homini — lupus*», уже утратилъ свой острый характеръ; филантропія, любовь къ ближнему уже даютъ себя

¹⁾ Р. Вирховъ. „Сообщенія о господствующей въ Верхней Силезіи эпидеміи тифа“.

чувствовать повсюду (палаты въ пользу бѣдныхъ, «нищенскіе» комитеты, страннопріимные дома, богадѣльни, ночлежные дома, пріюты, убѣжища св. Магдалины, всевозможныя братства для вспомошествованія бѣднымъ, даровая врачевальная помощь, дѣтскіе сады, ясли и т. д. и т. д.); даже войны приняли болѣе смягченный, «облагороженный» характеръ по сравненію съ первобытнымъ варварствомъ. Вспомните жестокости, совершавшіяся при взятіи Іерусалима римлянами, или кровавыя перипетіи 30-лѣтней войны, и сравните съ тѣмъ, что было, современный способъ веденія войнъ!..

Вообще какъ-то странно говорить о болѣе или менѣе «облагороженномъ» характерѣ войны. Никакая эффектная обстановка, никакіе чувствительные монологи не въ состояніи «облагородить» убійства. Между солдатами какого-нибудь герцога Альбы или Тилли, вторгавшимися съ огнемъ и мечомъ въ дома мирныхъ гражданъ, и англійскими солдатами, также съ огнемъ и мечомъ врывавшимися въ мирныя селенья буровъ, по существу нѣтъ никакой разницы... О нашествіяхъ Атиллы въ памяти народовъ сохранились страшныя преданья: «Гдѣ конь его ступалъ, тамъ трава не росла!» Но вѣдь этотъ жестокій человѣкъ жилъ давно, пятнадцать столѣтій тому назадъ... А вотъ въ Индіи въ половинѣ XIX вѣка, на нашей памяти, при усмиреніи возстанія сипаевъ «просвѣщенные» англичане разстрѣливали плѣнныхъ, привязывая ихъ къ жерламъ пушекъ. Возможности упиться такою утонченною, «цивилизованною» жестокостью позавидовали бы и гунны... Китайцы въ 1892 г., усмиряя возстаніе въ Монголіи, обезглавили 8.000 плѣнныхъ инсургентовъ и около 500 человѣкъ сожгли живьемъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ турки массами рѣзали армянъ... Что жъ говорить о туркахъ, когда Англія, одна изъ самыхъ «цивилизованныхъ» націй, ознаменовала конецъ XIX и начало XX столѣтія такими звѣрскими, позорными жестокостями, передъ которыми блѣднѣютъ ужасы наполеоновскихъ и всѣхъ позднѣйшихъ войнъ. Не станемъ распространяться о томъ, какъ англи-

чане превращали въ пустыню еще недавно цвѣтущую страну, какъ они жгли бурскія фермы и поля, какъ разстрѣливали плѣнныхъ... Достаточно указать на знаменитые «концентраціонные лагеря», до устройства которыхъ не могли додуматься ни Альба ни другіе подобные ему «звѣри въ человѣческомъ образѣ», — лагеря, куда были согнаны бурскія женщины и дѣти, изъ которыхъ 50⁰/₀ умирало отъ болѣзней и съ голоду, и которыхъ англійскій поэтъ Свинбернъ съ презрѣніемъ называлъ «самками и щенками»... И всѣ эти жестокости «цивилизованныхъ палачей» и глумленіе поэтовъ, аплодирующихъ палачамъ, были вызваны *лишь* тѣмъ, что буры мужественно, геройски защищали свою свободу и независимость... Кстати, мы должны напомнить, что минобомбы, разрывныя пули, торпеды, скорострѣльные ружья, пронизывающія четырехъ человѣкъ за разъ, самые ужасные, смертоносные взрывчатые снаряды и громаднѣйшія орудія для массоваго истребленія людей — изобрѣтены въ XIX столѣтіи.

Насколько вообще гуманны нравы нашихъ современниковъ, мы можемъ легко судить, если станемъ изо дня въ день пробѣгать газетную хронику убійствъ, разбоевъ, казней и всякихъ насилій... За человѣка становится страшно, когда убѣждаешься, что въ немъ и понынѣ живетъ дикій, первобытный звѣрь, — жестокій, хищный звѣрь, милліоны лѣтъ тому назадъ рыскавшій по лѣсамъ... Древнюю поговорку о «волкѣ» еще рано сдавать въ историческій архивъ, когда человѣческая жизнь цѣнится дешевле жизни хорошей меделянской собаки, когда и понынѣ, на всѣхъ распутіяхъ жизни, во всѣхъ углахъ міра, не исключая цивилизованнѣйшихъ странъ, льется человѣческая кровь, явно и тайно идетъ братоубійственная война, какъ будто міру совсѣмъ и невѣдомо чувство любви къ ближнему.

Филантропія существуетъ, но она даетъ, сколько хочетъ, но не столько, сколько можетъ и должна давать — для того, чтобы придать себѣ хотя сколько-нибудь серьезное значеніе. Въ то время, какъ филантропія дѣлаетъ «воробыиный» шагъ